

О.В. СТОЛЕТОВ

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРАТЕГИЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ ЕВРАЗИЙСКОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

В современных условиях динамично меняющейся экономической, технологической, информационной, военно-политической реальности политическое пространство Евразии приобретает все более сложную структуру. В нем оказываются теснейшим образом взаимосвязаны аспекты меняющегося баланса сил, проблемы обеспечения защиты от традиционных и новых угроз, задачи достижения социально-экономического развития в условиях долгосрочного тренда замедления темпов роста мировой экономики, феномен формирования новых финансовых и экономических институтов регионального и глобального мирорегулирования. Евразийское политическое пространство сегодня преимущественно осмысливается как пространство глобальной геополитической и геоэкономической конкуренции между ведущими субъектами мирового политического процесса.

Важнейшей тенденцией трансформации евразийского политического пространства является формирование его полицентричности. Все более активную роль в экономических и политических процессах Евразии играют такие крупные развивающиеся континентальные державы, как КНР, Россия, Индия, Иран, Турция. В свою очередь, США постепенно утрачивают безоговорочное доминирование в Евразии, однако сохраняют широкую сеть альянсов и партнерств на континенте [Klieman, 2015].

Изменение экономического баланса в Евразии формирует все большую взаимную заинтересованность Азии и Европы. Для про-

должения экономического роста Азия нуждается в европейских рынках, в то время как в Европе все более востребованы азиатские инвестиции. Осознание этого факта происходит на фоне развития новых технологий в сфере инфраструктуры, транспорта и коммуникаций. Формируется представление о том, что новые технологии способны обеспечить более глубокую внутреннюю связанность пространства Евразии.

Другим важным трендом трансформации евразийского пространства является нарастание турбулентности, проявляющей себя в росте неустойчивости основополагающих структур и процессов, а также неопределенности происходящих в них изменений. Наиболее явно в Евразии данная тенденция проявляется в нарастании количества вооруженных конфликтов и локальных войн. Многие зарубежные авторы говорят об угрозе полномасштабной хаотизации евразийского пространства. В настоящее время в наибольшей степени эта угроза проявляет себя в Ближневосточном регионе, однако возникшее там «Исламское государство» достаточно быстро становится значимым дестабилизирующим фактором для государств Центральной и Южной Азии, Кавказа, Евросоюза, России и Китая.

Еще один тренд заключается во внутренней разбалансировке Европейского союза. Европейский долговой кризис, готовящийся в Великобритании референдум по вопросу выхода из Евросоюза, рост евроскептических настроений в Центральной и Юго-Восточной Европе, усиливающийся под влиянием «миграционной волны» из зоны сирийского конфликта, свидетельствуют о серьезных экономических и политических трудностях, с которыми столкнулся на современном этапе Европейский союз.

На Украине вопрос о европейской интеграции в формате подписания соглашения об ассоциации, приведший к глубокому политическому кризису в стране и послуживший поводом к государственному перевороту, создал очаг нестабильности в непосредственной близости от ЕС и вызвал острый кризис в отношениях Запада и России. Следствием стало нарастание военно-политической напряженности в Европе. В общей сложности объем оборонных расходов только в Восточной Европе в 2014 г. превысил уровень 2013 г. в среднем на 8,4%. Политика взаимного военно-политического сдерживания сопровождается ведением полномасштабных информационных, экономических, дипломатических войн.

Международно-политические стратегии трансформации евразийского пространства включают в себя геополитические, геоэкономические, военно-политические составляющие и призваны определенным образом воздействовать на распределение власти и влияния в Евразии. В качестве результата их реализации можно рассматривать изменение субрегиональных границ, создание новых зон влияния, формирование того или иного макрорегионального международно-политического порядка в Евразии.

В данной статье представляется необходимым рассмотреть стратегии таких ключевых для евразийского политического пространства международно-политических акторов, как США, КНР, Россия, Индия и Европейский союз. В рамках сравнительного исследования внимание будет уделено проблеме взаимного отношения акторов к продвигаемым каждым из них макрорегиональным проектам и инициативам. Главным образом речь пойдет о геоэкономическом измерении рассматриваемых стратегий.

Многие исследователи отмечают, что США стратегически не заинтересованы в формировании Евразии как экономического, а в перспективе и политического целого, способного составить им конкуренцию. С опорой на данный тезис говорится о том, что стратегия США направлена на раскол и размежевание евразийского пространства. В одних случаях реализация данной стратегической установки будет проявляться в политике, подрывающей внутренние экономические связи в Евразии (интерконтинентальные проекты Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП) и Транстихоокеанского партнерства (ТТП)), в других случаях – в политике, нацеленной на политическое размежевание (введение экономических и политических санкций в отношении России, поддержка внутренних, приграничных и иных конфликтов в ключевых регионах континента). При этом США стремятся стимулировать и использовать нарастающую турбулентность в Евразии для обоснования необходимости собственного военного присутствия здесь.

Американские эксперты-международники склонны позиционировать ТТИП как крупнейший торгово-экономический проект современного мира. Они подчеркивают, что успешная реализация ТТИП как инициативы государств, основанных на общих демократических ценностях, позволит существенно усилить западные экономики и повысить привлекательность западной модели развития

[Dempsey, 2015]. ТТИП позиционируется как ответ на глобальные перемены, в условиях которых страны Запада должны удержать первенствующие позиции. Некоторые эксперты, однако, отмечают, что геополитические последствия ТТИП могут быть неоднозначными. В частности, формирование более тесного, замкнутого экономического альянса между странами Запада, нацеленного на защиту своих собственных интересов, может подтолкнуть развивающиеся страны, стремящиеся к изменению международного экономического порядка, в первую очередь страны БРИКС, к дальнейшему сближению [Kurchan, 2014].

Проект Транстихоокеанского партнерства (ТТП) предполагает формирование многостороннего соглашения о свободной торговле между рядом государств Азиатско-Тихоокеанского региона [Wen Jin Yuan, 2012]. В переговорах участвуют 12 стран, в частности со стороны Евразии – Япония, Малайзия, Сингапур и Вьетнам. Проект исключает из экономической интеграции Китай, Бразилию, Индию и Россию. Реализуя данную инициативу, США стремятся защитить свой статус международного актора, формирующего правила для мировой торговли. Значимой целью является сохранение доллара как ключевой валюты для международных расчетов. В рамках реализации стратегии «Поворот к Азии» ТТП призван укрепить связи Соединенных Штатов с их союзниками в Восточной Азии, тем самым сохранив приемлемый для себя баланс сил в АТР [Mirski, 2015]. Проект вносит раскол в процессы экономической интеграции в Азии, а значит, и в Евразии в целом. Идея ТТП в самих США активно поддерживается как демократами, так и республиканцами.

Важной целью США является недопущение формирования прочного альянса России и Китая в Евразии. Соединенные Штаты крайне негативно воспринимают факт активизации российско-китайского сближения, видя в нем средство ограничения собственного влияния. Наибольшие опасения США вызывает двустороннее военное сотрудничество. Проведение Россией и Китаем совместных военных учений в Средиземном море, а также в морях Тихого океана воспринимаются в Соединенных Штатах крайне негативно [Harris, 2015]. Американские эксперты указывают также на то, что расчеты США, прогнозировавшие усиление конкуренции России и КНР в Центральной Азии, на данном этапе не оправдываются и должны быть пересмотрены [Carpenter, 2015].

Новации китайской международной политики показывают, что КНР стремится к открытию для себя экономических возможностей, заложенных в евразийском пространстве, при одновременном инфраструктурном развитии этого пространства. Представляется возможным говорить о том, что Китай, не только преследуя свой интерес, но и выражая позицию развивающихся стран Азии, заинтересованных в расширении торговых связей с государствами основных макрорегионов континента, заинтересован в сохранении Евразии в качестве пространства мира и придания этому пространству импульса экономического развития.

Китайская инициатива «Один пояс, один путь», предполагающая формирование «Экономического пояса Шёлкового пути» и «Морского Шёлкового пути XXI века», является крупнейшим трансконтинентальным международным экономическим проектом современности. Евразийское пространство, охватываемое данной инициативой, составляет 55% мирового ВВП, 70% мирового населения, 75% разведанных запасов энергетических ресурсов. Китай стремится позиционировать инициативу «Один пояс, один путь» как максимально открытую для участия наибольшего количества партнеров. В частности, он всячески демонстрирует желание привлечь к ее реализации таких крупных участников международно-политических процессов Евразии, как Россия и Индия. Весьма показательным в данном случае, что оба эти государства, наряду с КНР, вошли в тройку крупнейших владельцев голосов в Азиатском банке инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Если КНР получил 20,06% голосов, то на долю Индии пришлось 7,5%, а России – 5,92%. При этом китайская инициатива АБИИ нашла поддержку и у ключевых партнеров США как в Восточной Азии, так и в Европе. К новому банку, в частности, присоединились Великобритания, Германия, Франция, Италия, Южная Корея и Австралия.

Проект «Морской Шёлкового пути XXI века» («МШП-XXI») предполагает участие более 60 стран [Koo Jin Shen Guangxi, 2015]. По оценкам экспертов, политически он позволит Китаю укрепить отношения с Малайзией, Камбоджей, Шри-Ланкой, Пакистаном [Yale, 2015]. Фактическую подготовку к реализации проекта Китай начал задолго до его оглашения. В последние годы КНР активно инвестировал в развитие и глубокую реконструкцию ключевых для себя портов в государствах, имеющих выход в Индийский океан: порты Хамбантота и Коломбо в Шри-Ланке, порт Читтагонг в

Бангладеш, порт Кьяукпью в Мьянме, порт Гвадар в Пакистане. Большое значение для реализации проекта «МШП-XXI» имеет также средиземноморский греческий порт Пирей. Заявляя экономическую инициативу, Китай, помимо продвижения своих торговых интересов, стремится снизить подозрения, вызванные распространением концепции «жемчужного ожерелья», согласно которой он развивает портовую инфраструктуру в Индийском океане в военных целях.

Китай сохраняет активность в восточном направлении. До конца 2015 г. КНР планирует завершить переговоры о создании Всестороннего регионального экономического партнерства (Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP), которое, помимо стран АСЕАН, будет охватывать Японию, Республику Корея, Австралию, Новую Зеландию и Индию. Подключая Индию к переговорам по RCEP, Китай создает для нее возможность большей экономической интеграции в Восточно-Азиатский регион.

Экономические инициативы Китая в последнее время находят у Индии все большую поддержку. Некоторые индийские политики говорят о стратегической выгоде от подключения Индии к инфраструктурным проектам развития, иницируемым Китаем [Geethanjali Nataraj, 2015]. Указывается также, что рост взаимозависимости будет способствовать дальнейшей стабилизации двусторонних отношений [Mukul Sanwal, 2015].

Политика индийского руководства сегодня направлена на то, чтобы активизировать участие Индии в экономических процессах как в Центральной Евразии, так и в АТР в целях обеспечения дальнейшего экономического роста и поддержания внутривнутриполитической стабильности в стране. Для достижения этих целей Индия заинтересована в развитии собственной транспортно-логической инфраструктуры, позволяющей развивать торговые связи с государствами Ближневосточного региона, Афганистаном, государствами Центральной Азии, Россией и Европейским союзом. В этом контексте сегодня все чаще говорят о новой индийской стратегии – «Взгляд на Север».

В стратегии выхода Индии на центральноазиатское и европейское направление экономического взаимодействия важное место занимают индийско-иранские транспортно-логические проекты. Еще в 2003 г. Индия договорилась с Ираном о развитии порта Чабахар, который находится в Оманском заливе. Однако введение в

отношении Ирана санкций со стороны стран Запада в связи с его ядерной программой не позволило реализовать этот проект. На фоне подписания венского международного соглашения по иранской ядерной программе Индия и Иран в мае 2015 г. приняли меморандум о взаимопонимании об участии Индии в разработке данного порта.

Порт Чабахар призван сыграть важнейшую роль в обеспечении энергетической безопасности Индии. Объясняется это тем, что реализация ранее намеченных энергетических проектов, таких как ТАПИ («Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия») и ИПИ («Иран – Пакистан – Индия»), сталкивается с серьезными сложностями. В этих условиях Индией рассматривается вариант поставок газа из Ирана и Омана по трубопроводу, проложенному по дну Аравийского моря. Предполагается, что газопровод будет начинаться от портов Чабахар и Расаль-Джафан в Омане и закончится в порту Порбандар, расположенном в индийском Гуджарате. Развитие порта Чабахар рассматривается Индией через призму реализации более комплексного проекта – Международного транспортно-логистического коридора «Север – Юг» (International North South Transport Corridor). Данный коридор должен обеспечить Индии стратегический выход в Центральную Азию, Россию и Европу в обход Пакистана.

Параллельно Индия демонстрирует заинтересованность в формировании зоны свободной торговли с Евразийским экономическим союзом. Предполагается, что в случае успешного завершения переговоров по данному вопросу Индия сможет расширить свои экономические связи с государствами Центральной Азии. Индия стремится развивать отношения с государствами Центрально-Азиатского региона и на двустороннем уровне. В июле 2015 г. премьер-министр Индии Нарендра Моди совершил поездку по региону, в ходе которой посетил пять стран Центральной Азии. В числе сквозных тем для обсуждения были выделены: развитие торговли, борьба с терроризмом на фоне растущей угрозы со стороны группировки «Исламское государство» и формирование уже упомянутого транспортного коридора «Север – Юг».

В 2015 г. Индия добилась положительного решения по включению ее в ШОС. Данная организация рассматривается Индией как инструмент, способный сыграть важную роль в обеспечении долгосрочной стабильности в Центральной Евразии. Включение в

ШОС, по мнению руководства Индии, будет способствовать росту авторитета страны в государствах Центральной Азии и в мире в целом [Amb Rajiv Sikri, 2015]. Кроме того, вступление в ШОС рассматривается как способ укрепления Индией своих позиций в диалоге с Китаем.

Целью России в Евразии на данном этапе, с нашей точки зрения, является превращение в международно-политического актора, устойчиво развивающего собственную стратегическую субъектность. Значимым шагом в этом направлении стало формирование Евразийского экономического союза.

В программной статье В. Путина «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня», опубликованной в октябре 2011 г., была сформулирована идея о том, что создаваемый Евразийский экономический союз (ЕЭАС) способен стать основой дальнейшей экономической интеграции с Европой. Однако описание фактической динамики, свидетельствующей о продвижении по этому пути, даже на момент публикации статьи выглядело более чем скромно. В статье сообщалось о том, что Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана начал переговоры о создании зоны свободной торговли с Европейской ассоциацией свободной торговли (ЕАСТ), представляющей собой небольшую региональную экономическую организацию Исландии, Норвегии, Швейцарии, Лихтенштейна, не входящих в ЕС. Тем не менее после введения экономических санкций Евросоюзом в отношении России в связи с политическим кризисом на Украине даже эти переговоры были приостановлены. В июне 2015 г. Исландия, Лихтенштейн и Норвегия присоединились к санкциям Евросоюза против России.

Тем не менее идея стратегической экономической интеграции ЕАЭС и Европы Россией отброшена не была. В январе 2015 г. российский посол в ЕС В. Чижов, а также глава МИД России С. Лавров выступили с предложением начать официальный диалог между ЕАЭС и ЕС о создании зоны свободной торговли между двумя объединениями. В апреле 2015 г. в поддержку начала консультаций об интеграции ЕС и ЕАЭС выступил спикер Государственной Думы России С. Нарышкин. Он подчеркнул, что «Россия была и остается в одной семье с европейскими народами». Председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии В. Христенко, выступая на Петербургском международном эконо-

мическом форуме, отметил, что ЕС и ЕАЭС должны обратиться к обсуждению цели формирования общего экономического пространства. Идея перспективности сотрудничества двух объединений присутствует в исследованиях Евразийского банка развития [Demidenko, 2014].

Экономическую интеграцию ЕС и ЕАЭС Россия предлагает рассмотреть в качестве альтернативы проекту Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП). Российские эксперты говорят о том, что в случае успешного подписания соглашения между США и Евросоюзом для России будет усложнен доступ к европейскому рынку, а российский бизнес лишится значительных инвестиций. Подчеркивается наличие определенных рисков и для самого Евросоюза [Кокшаров, 2014].

Россия стратегически заинтересована в размывании евроатлантической идентичности. На основе этой установки во многом строится дискурс России о необходимости проведения объединенной Европой более самостоятельной и независимой международной политики, которая, с точки зрения России, должна стать более прагматичной. Предполагается, что такая политика объективно будет способствовать российско-европейскому сближению.

На данном этапе Россия стремится к повышению международного статуса ЕАЭС. Позиционируя Евразийский экономический союз в рамках работы 69-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в ноябре 2014 г., постоянный представитель России при ООН В. Чуркин определил ЕЭАС как международную организацию региональной экономической интеграции, в рамках которой будут обеспечиваться «четыре свободы»: свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной и единой политики в ключевых отраслях экономики. На данный момент меморандумы о понимании подписаны между ЕАЭС и всеми основными структурами ООН, в частности Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) и Европейской экономической комиссией ООН (ЕЭК). Запланировано, что на 70-й сессии Генеральной ассамблеи ООН, которая прошла в сентябре 2015 г., ЕАЭС получит статус наблюдателя при ООН.

Параллельно Россия осуществляет стратегическое сближение с Китаем. По итогам визита председателя КНР Си Цзиньпина в Москву в мае 2015 г. между двумя странами были подписаны ключевые документы о сотрудничестве в области торговли и экономики.

В том числе между сторонами была достигнута договоренность о состыковке Евразийского экономического союза и трансевразийского проекта «Экономический пояс Шёлкового пути». Российские эксперты склонны рассматривать идею сопряжения двух проектов как перспективную. Свою точку зрения они объясняют тем, что каждый из проектов призван решать свой комплекс задач. Если проект ЕАЭС направлен на создание условий для стабильного развития экономик государств – членов объединения в интересах повышения жизненного уровня их населения, то «ЭПШП» призван обеспечить стратегическое экономическое и транспортно-логистическое развитие участников проекта на основе преимущественно китайских инвестиций [Bordachev, 2015].

Анализируя новые тренды, характеризующие развитие российской и китайской интеграционных инициатив, руководитель Московского центра Карнеги Д. Тренин говорит о фактическом повороте России от идеи «Большой Европы» «от Лиссабона до Владивостока» к идее «Большой Азии» «от Шанхая до Санкт-Петербурга» [Trenin, 2015]. Стоит подчеркнуть, что Совет по внешней и оборонной политике, являющийся продвинутым российским «мозговым центром», уже разрабатывает международно-политическую концепцию создания «Сообщества Большой Евразии». Фактически это означает, что в качестве центра трансконтинентального сближения начинает позиционироваться не партнерство Евросоюза и России, а партнерство России, Китая и других государств, включенных в Шанхайскую организацию сотрудничества и Евразийский экономический союз [Караганов, 2015].

Для укрепления своих международно-политических позиций в Евразии Россия стремится сблизить между собой крупнейшие международные объединения, в которых она играет ключевую роль. Россия инициировала первое параллельное проведение саммитов ШОС и БРИКС, состоявшееся в Уфе в июле 2015 г. Де-факто в саммите принимал участие и Евразийский экономический союз. В период работы саммита состоялось совместное совещание глав государств БРИКС, ШОС, ЕАЭС, а также государств, планирующих вступить в названные объединения. Исследователи отмечают усиление интереса к участию в работе группы БРИКС и ШОС со стороны Индонезии, Мексики, Аргентины, Пакистана, Турции, Ирана, Шри-Ланки, Бангладеш, Сирии, Монголии, Непала.

По итогам саммита в числе наиболее приоритетных направлений экономического взаимодействия двух объединений были определены энергетика, транспортная инфраструктура, перерабатывающая промышленность, взаиморасчеты в национальных валютах, формирование общих инвестиционно-кредитных институтов. Таким образом, проекты транъсевразийской интеграции не замыкаются только на себя. Контекст расширения взаимодействия ШОС и БРИКС позволяет говорить о складывании перспективной основы для широкой межконтинентальной интеграции.

Реализованное по инициативе России расширение Шанхайской организации сотрудничества, в рамках которого в ее состав вошли Индия и Пакистан, способствовало повышению уровня международного авторитета данной организации [Piekos, 2015]. Факт одновременного включения в ШОС двух крупнейших южноазиатских государств говорит о том, что между Россией и КНР был достигнут стратегический компромисс по вопросу расширения. Важным шагом для ШОС стало также одновременное получение статуса партнеров по диалогу Арменией и Азербайджаном. Эксперты отмечают, что в этих условиях ШОС могла бы стать новой площадкой для урегулирования конфликтов в Джамму и Кашмире, а также в Нагорном Карабахе [Korybko, 2015]. Тем самым деятельности организации могут быть купированы значимые потенциальные угрозы безопасности.

Важной установкой международной политики ЕС в Евразии является включение в орбиту своего экономического влияния новых рынков. В последние годы преимущественно для этого использовался механизм подписания договора об ассоциации с ЕС [Столетов, 2014]. Продвигая идею подписания соглашения об ассоциации применительно к государствам постсоветского пространства, Евросоюз действовал все более жестко, что проявило себя на переговорах ЕС с Украиной. Выступая на совместной с президентом Украины В. Януковичем пресс-конференции в Киеве 18 апреля 2011 г., глава Еврокомиссии Жозе Мануэль Баррозу заявил: «Невозможно интегрироваться в Таможенный союз и в то же время иметь глубокую всеобъемлющую зону свободной торговли (с ЕС)». Тем самым Евросоюз однозначно дал понять Украине, что экономическое сближение с ним не может сочетаться с интеграцией в российский проект Таможенного союза. Практически сразу после этого, 22 апреля 2011 г., глава МИД Украины К. Грищенко, высту-

пая в Верховной Раде, заявил о том, что Украина намерена взаимодействовать с Таможенным союзом вне его формального членства. Последующий негативный опыт развития политической ситуации на Украине повлиял на позицию Армении и Азербайджана, которые приняли решение воздержаться от подписания соглашений об ассоциации с Евросоюзом. После этого обе страны столкнулись с ухудшением своих отношений с ЕС.

Идея заключения Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства с Соединенными Штатами неоднозначно воспринимается в странах Европейского союза. Например, по данным на апрель 2015 г. только в Германии было собрано более миллиона подписей против подписания ТТИП с США. Тем не менее в июле 2015 г. Европарламент принял резолюцию, поддерживающую создание ТТИП: 436 голосов против 241.

Интеграцию Евразийского экономического союза ЕС продолжает рассматривать как вызов для себя. На официальном уровне возможность формирования единого экономического пространства между ЕАЭС и ЕС на данном этапе Евросоюзом не рассматривается. Формальной причиной, препятствующей взаимодействию двух объединений, ЕС считает кризис на Украине [Dobbs, 2015]. Тем не менее на заседании Совета ЕС на уровне министров иностранных дел в январе 2015 г. Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Еврокомиссии Ф. Могерини подчеркнула, что следование разделяемой ЕС и Россией цели создания общего экономического пространства «от Лиссабона до Владивостока» в условиях активизации евразийской интеграции и создания ЕАЭС требует выработки стратегии взаимодействия ЕС с новым объединением.

На европейском экспертном уровне можно встретить позицию, поддерживающую идею кооперации двух экономических объединений. Например, австрийский ученый Г. Келлер полагает, что продуктивное сотрудничество ЕС и ЕАЭС вполне возможно в случае, если в механизм двустороннего взаимодействия не будут вмешиваться третьи силы, в первую очередь НАТО [Köchler]. Европейские исследователи И. Крастев и М. Леонард призывают ЕС признать за Россией право на собственный интеграционный проект, а за постсоветскими государствами право осуществлять выбор вектора интеграции. При этом сам ЕАЭС рассматривается как вполне respectable контрагент для переговоров, нацеленных

на формирование нового европейского институционального порядка [Крастев, Леонард, 2015].

В реальной политике взаимодействие между ЕС и ЕАЭС тесным образом связано с характером отношений между ЕС и Россией. В настоящее время ряд признаков свидетельствует о том, что в отношениях между ними продолжает доминировать негативная повестка дня. Брюссельский саммит Россия – ЕС, состоявшийся в январе 2014 г., стал самым коротким из всех проведенных, самым узким по составу участников, а также кругу обсуждавшихся вопросов. В марте 2014 г. Евросоюз принял решение об отмене саммита Россия – ЕС, намеченного на 3 июня. Саммит 2015 г. также не состоялся. После этого Россия дала понять, что готова продолжать двусторонние контакты исключительно в рабочем порядке. Еще до украинского политического кризиса Евросоюз приостановил переговоры с Россией о заключении нового базового соглашения Россия – ЕС. Существенные противоречия между Россией и ЕС сохраняются в сфере энергетики. Политика Евросоюза по продвижению Энергетической хартии и Договора к Энергетической хартии, а также формированию Энергетического союза ЕС крайне негативно воспринимается российской стороной. Реализация разработанной в марте 2013 г. Дорожной карты энергетического сотрудничества России и ЕС до 2050 г., предполагавшей формирование единого Панъевропейского энергетического пространства, на практике оказывается затруднена.

В вопросах обеспечения безопасности в Евразии позиции ЕС и России существенно различаются. Идея международной политики, основанной на принципе неделимости безопасности, продвигаемая Россией на политико-дипломатическом уровне на протяжении 2000-х годов, не получила поддержки. Кульминацией этого процесса стало отсутствие прогресса по продвижению Россией идеи заключения Договора о европейской безопасности, проект которого был впервые опубликован в ноябре 2009 г. В условиях сложившейся конфронтационной атмосферы международно-политического взаимодействия России и США проект данного договора де-факто предан забвению.

В ситуации низких темпов экономического роста, нарастания потока мигрантов из нестабильных государств Ближнего Востока и Северной Африки на территорию европейских стран проведение Европейским союзом политики, направленной на свое

дальнейшее расширение, в среднесрочной перспективе оказывается затруднено. В этих условиях Евросоюз стремится активизировать внутренние ресурсы экономического роста. В июле 2015 г. в ЕС официально начал работу Европейский фонд стратегических инвестиций (EFSI). В соответствии с планом председателя Еврокомиссии Жан-Клода Юнкера главная задача фонда состоит в обеспечении восстановления посткризисного роста в Европе. Предполагается, что фонд будет осуществлять инвестиции в создание стратегической энергетической, транспортной и электронно-цифровой инфраструктуры в Евросоюзе, а также будет заниматься развитием инновационных, экологически чистых технологий. В реализации данной инициативы ЕС рассчитывает на инвестиционную поддержку Китая. По итогам 17-го саммита ЕС – Китай, состоявшегося в июне 2015 г., было принято совместное заявление, в соответствии с которым стороны выступили в поддержку обеспечения взаимосвязи между «ЭПШП» и EFSI.

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что в политическом плане стратегии России и Китая носят стабилизирующий характер для Евразии. Оба государства в равной степени заинтересованы в противодействии расширению американского военного присутствия, продвижению «цветных революций» и распространению «управляемого хаоса» на евразийском пространстве [Gabuev, 2015]. Россия, активизирующая восточное и южное направления своей внешней политики, и Китай, совершающий поворот в сторону континента, демонстрируют стремление защитить свои экономические интересы и одновременно обеспечить «стягивание» пространства Евразии. При этом для России чрезвычайно важно не потерять своих экономических связей с Европой, а для Китая – связей с Восточной Азией. В обоих случаях ключевым фактором, составляющим угрозу для этих связей, является политика Соединенных Штатов. Евросоюз, столкнувшись с серьезными вызовами внутренней стабильности, вынужден стремиться к нахождению оптимального баланса между собственными потребностями, а также интересами и возможностями США и Китая.

Сегодня все более значимой проблемой, относящейся к будущему евразийского политического пространства, становится способность ведущих континентальных международных акторов осуществить адекватную оценку причин текущих кризисных явлений и реализацию решительной и последовательной политики, на-

правленной на снижение уровня турбулентности, который в ситуации продолжительного бездействия может достичь критических значений. Однако в условиях, когда нарастание хаотизации в Евразии стало следствием обострения глобальной геоэкономической конкуренции и целенаправленной политики Соединенных Штатов, стремящихся сохранить в мире доминирующее положение, существенное продвижение на данном направлении в среднесрочной перспективе представляется затруднительным. Парадоксально, но именно в этой ситуации может возникнуть так называемый «момент Центральной Евразии», представляющий собой «стечение международных политических и экономических обстоятельств, позволяющих реализовывать потенциал сотрудничества и совместного развития государств региона». В случае успеха российско-китайских многосторонних интеграционных инициатив Евразия может обрести новое международно-политическое ядро, способное стать значимым фактором поддержания устойчивости не только на континенте, но и на глобальном уровне.

Список литературы

- Караганов С.А.* Евразийский выход из европейского кризиса // Россия в глобальной политике. – 2015. – 19 июня. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Evroazitskii-vykhod-iz-evropeiskogo-krizisa-17541> (Дата посещения: 21.08.2015.)
- Климов А.А., Лексин В.Н., Швецов А.Н.* Евразийская интеграция в XXI веке. – М.: Ленанд, 2012. – 288 с. – Режим доступа: http://russia.mfa.gov.ua/mediafiles/sites/russia/files/_____.pdf (Дата посещения: 12.09.2015.)
- Кокиаров А.* Жертвы на алтарь лидерства // Эксперт. – М., 2014. – 26 октября. – Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2014/44/zheravyi-na-altar-liderstva/> (Дата посещения: 21.08.2015.)
- Костин А.И., Изотов В.С.* Интеграционные системы в парадигме глобалистики: обновление исследовательских подходов // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 2015. – № 2. – С. 7–32.
- Крастев И., Леонард М.* Новый европейский беспорядок // Россия в глобальной политике. – 2014. – 17 декабря. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/novyi-evropeiskii-besporiadok-17196> (Дата посещения: 21.08.2015.)
- К Великому океану. «Создание Центральной Евразии»: Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» / ИМЭП. – Астана, 21 апреля. – Режим доступа: http://iwep.kz/files/attachments/article/2015-04-21/doklad_sozdanie_evrazii_ekonomicheskii_poyas_shelkovogo_puti.pdf (Дата посещения: 14.08.2015.)

- Оболенский В.П. Идея интеграции Европы и Азии на фоне ухудшения отношений России и ЕС // Мир перемен. – 2015. – 22 мая. – Режим доступа: <http://www.mirperemen.net/content/ideya-integracii-evropy-i-azii-na-fone-uhudsheniya-otnosheniy-rossii-s-es> (Дата посещения: 21.07.2015.)
- Столетов О.В. Стратегия «разумной силы» в контексте трансформации внешней политики ЕС // Политическая наука. – 2014. – № 2. – С. 222–244.
- Чихарев И.А. Мировая политическая динамика: Концептуальные основы и движущие силы // Политическая наука. – 2012. – № 4. – С. 9–30.
- Amb Rajiv Sikri Thoughts on India's Central Asia Strategy // Vivekananda international foundation. – 2015. – 2 July. – Mode of access: <http://www.vifindia.org/article/2015/july/02/thoughts-on-india-s-central-asia-strategy> (Дата посещения: 16.07.2015.)
- Bordachev T. Russia and the Eurasian Economic Union: the view from Moscow // European Council on foreign relations. – 2015. – 1 January. – Mode of access: http://www.ecfr.eu/article/commentary_russia_and_the_eurasian_economic_union_the_view_from_moscow403 (Дата посещения: 18.09.2015.)
- Carpenter T.G. Washington is fostering Anti-U.S. Cooperation between Russia and China // Cato at Liberty. – 2015. – 30 June. – Mode of access: <http://www.cato.org/blog/washington-fostering-anti-us-cooperation-between-russia-china> (Дата посещения: 18.09.2015.)
- Demidenko M. Quantifying Economic Integration of the European Union and the Eurasian Economic Union: methodological approaches / Eurasian development bank. – 2014. – 55 p. – Mode of access: http://www.eabr.org/general/upload/ЦИЭ%20-%20izdania/2014/Колич%20анализ%20эк%20интеграции/doklad_23_en_preview_web.pdf (Дата посещения: 12.09.2015.)
- Dempsey J. Judy Asks Is TTIP Really a strategic issue // Carnegie Europe. – 2014. – 8 October. – Mode of access: <http://carnegieeurope.eu/strategieurope/?fa=56869> (Дата посещения: 21.09.2015.)
- Dieter D. Germany: The geopolitical uncertainties of a geo-economic power / American institute for contemporary German States. – 2014. – 20 October. – Mode of access: <http://www.aicgs.org/issue/germany-the-geopolitical-uncertainties-of-a-geo-economic-power/> (Дата посещения: 25.08.2015.)
- Dobbs J. The Eurasian Economic Union: A bridge to nowhere? // European leadership network. – 2015. – 4 March. – 10 p. – Mode of access: <http://www.europeanleadershipnetwork.org/medialibrary/2015/03/04/4ada6e5/The%20Eurasian%20Economic%20Union%20A%20Bridge%20to%20Nowhere.pdf> (Дата посещения: 21.07.2015.)
- Fensom A. Trans-Pacific partnership: Hawaii talks and without deal // The diplomat. – 2015. – 2 August. – Mode of access: <http://thedi diplomat.com/2015/08/trans-pacific-partnership-hawaii-talks-end-without-deal/> (Дата посещения: 14.08.2015.)
- Geethanjali Nataraj Why India should join China's new maritime silk road // The diplomat. – 2015. – 3 March. – Mode of access: <http://thedi diplomat.com/2015/07/why-india-should-join-chinas-new-maritime-silk-road/> (Дата посещения: 26.09.2015.)
- Gabuev A. A «Soft alliance»? Russia-China relations after the Ukraine crisis / European Council on foreign relations. – 2015. – 11 p. – Mode of access: http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR126_-_A_Soft_Alliance_Russia-China_Relations_After_the_Ukraine_Crisis.pdf (Дата посещения: 23.08.2015.)

- Harris P.* This is how Russia and China could make big trouble for America // The national interest. – 2015. – 5 August. – Mode of access: <http://nationalinterest.org/feature/how-russia-china-could-make-big-trouble-america-13493> (Дата посещения: 20.08.2015.)
- Klieman A.* Great powers and geopolitics: international affairs in a rebalancing world // Springer. – 2015. – 264 p.
- Köchler H.* National Interest between regionalization and globalization: EU and Eurasian Economic Union as cornerstones of a multipolar world // Progress organization international progress organization. – 2015. – Mode of access: http://www.i-p-o.org/Koechler-National_Interest-Globalization-IPO-OP-2015.htm (Дата посещения: 18.09.2015.)
- Koo Jin Shen Guangxi.* New maritime silk road to expand China-ASEAN trade // The Brunei times. – 2015. – 13 July. – Mode of access: <http://www.bt.com.bn/business-national/2015/07/13/new-maritime-silk-road-expand-china-asean-trade> (Дата посещения: 14.09.2015.)
- Korybko A.* The Shanghai Cooperation Organization (SCO): The new framework for resolving the Nagorno-Karabakh conflict // Global research. – 2015. – 28 April. – Mode of access: <http://www.globalresearch.ca/the-shanghai-cooperation-organization-sco-the-new-framework-for-resolving-the-nagorno-karabakh-conflict/5446252> (Дата посещения: 17.08.2015.)
- Kupchan Ch.* The Geopolitical Implications of the Transatlantic Trade and Investment Partnership // Transatlantic academy. – 2014. – Mode of access: http://www.transatlanticacademy.org/sites/default/files/publications/Kupchan_TTIPsGeopolitical-Implications_Jun14.pdf (Дата посещения: 11.09.2015.)
- Mirski S.* The Trans-Pacific Partnership: China, America and the Balance of Power // The national interest. – 2015. – 6 July. – Mode of access: <http://nationalinterest.org/feature/the-trans-pacific-partnership-china-america-the-balance-13264?page=2> (Дата посещения: 18.08.2015.)
- Mukul Sanwal.* Geo-economic significance of the Asian infrastructure investment bank / Institute for defence studies and analyses. – 2015. – 30 March. – Mode of access: http://www.idsa.in/idsacomments/GeoeconomicSignificanceoftheAsianInfrastructure_msanwal_300315 (Дата посещения: 18.08.2015.)
- «One Belt, One Road»: China's great leap outward // European Council on foreign relations, 2015. – Mode of access: http://www.ecfr.eu/page/-/China_analysis_belt_road.pdf (Дата посещения: 17.09.2015.)
- Piekos W.* The Risks and rewards of SCO expansion / Council on foreign relations. – 2015. – 8 July. – Mode of access: <http://www.cfr.org/international-organizations-and-alliances/risks-rewards-sco-expansion/p36761> (Дата посещения: 20.08.2015.)
- Saurav Jha.* In Central Asia, Modi Jump-Starts India's «Look North» strategy // World politics review. – 2015. – 16 July. – Mode of access: <http://www.worldpoliticsreview.com/articles/16243/in-central-asia-modi-jump-starts-india-s-look-north-strategy> (Дата посещения: 19.09.2015.)
- Stanzel A.* China's silk road to nowhere? / European Council on foreign relations. – 2015. – 13 May. – Mode of access: http://www.ecfr.eu/article/commentary_chinas_silk_road_to_nowhere3025 (Дата посещения: 16.09.2015.)

Trenin D. From greater Europe to greater Asia? // Carnegie endowment for international peace, 2015. – Mode of access: http://carnegieendowment.org/files/CP_Trenin_To_Asia_WEB_2015Eng.pdf (Дата посещения: 19.09.2015.)

Wen Jin Yuan. The Trans-Pacific partnership and China's corresponding strategies / Center for strategic and international studies. – 2012. – 11 p. – Mode of access: http://csis.org/files/publication/120620_Freeman_Brief.pdf (Дата посещения: 18.09.2015.)

Yale W. China's maritime silk road gamble // The diplomat. – 2015. – 22 April. – Mode of access: <http://thediplomat.com/2015/04/chinas-maritime-silk-road-gamble/> (Дата посещения: 18.09.2015.)